

На правах рукописи

ЗУБАРЕВА Татьяна Тофиковна

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СТРАХА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ:
ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Майкоп – 2025

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Пятигорский государственный университет»

Научный руководитель – *Желтухина Марина Ростиславовна,*
доктор филологических наук, профессор,
профессор РАО.

Официальные оппоненты: *Слышкин Геннадий Геннадьевич,*
доктор филологических наук, профессор,
научно-исследовательская лаборатория
«Лингвобезопасность и психология
информационного воздействия» Института
права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации»,
заведующий;

Зюбина Ирина Анатольевна,
доктор филологических наук, доцент,
кафедра лингвистики и профессиональной
коммуникации ФГАОУ ВО «Южный
федеральный университет», доцент.

Ведущая организация – ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» (г. Волгоград).

Защита состоится «27» июня 2025 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам 24.2.267.03 при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д. А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, а также на сайте университета <https://adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/dissertation/6876/>

Автореферат разослан «__» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Е.А. Богданова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Исследование посвящено изучению лингвосемиотических характеристик страха в современном медиадискурсе и проводилось в рамках теоретической лингвистики, в том числе таких ее основных направлений, как психолингвистика, лингвосемиотика, прагмалингвистика, дискурсивная лингвистика, медиалингвистика, лингвокультурология, лексикология, стилистика, теория эмоций и теория воздействия.

Каждый человек в современном обществе может понять на собственном опыте и из наблюдений за живущими рядом с ним людьми, что страх и тревога в настоящее время стали всепроникающими и глубинными явлениями. Анализ специальной литературы показывает, что проблема страха весьма подробно исследована на психофизиологическом, социально-психологическом и социально-философском уровнях. Необходимость научного осмысления различных аспектов данного явления в проблемном поле лингвистики обусловлена тотальной распространенностью эмоции страха в современном обществе вследствие его цифровизации и медиазависимости, а также недостаточной изученностью выражения страха в лингвокультурологических медиаисследованиях, поскольку язык массмедиа оказывает сильное воздействие на формирование картины мира в разных лингвокультурах.

Вербализация эмоций – это процесс, включающий в себя механизмы как сознательного, так и бессознательного, инстинктивного выражения эмоциональных переживаний и объединяющий их в единое целое. Эмоциональные реакции обусловлены способами восприятия мира, связанными со спецификой этноса: принятыми нормами поведения, культурными установками, способами коммуникации. Процесс концептуализации эмоций включает как индивидуальный опыт личности, так и контекст жизни, который интерпретируется коллективным сознанием. Эмоции являются отражением этнической и культурной специфики модели мира и представляют собой уникальную реальность.

В разных лингвокультурах эмоции формируют определенные концепты, которые представляют собой структуры человеческого ментального мира как единицы высокой степени абстракции в метапсихической регуляции. Их знаковая репрезентация организует социальную информацию в виде системы взаимосвязанных значений. Таким образом, эмоциональные концепты отражают многовековой опыт этнических групп и обогащают языковое сознание индивидов универсальными и культурно-специфичными представлениями об эмоциональных переживаниях. В них заключены универсальные структуры, которые связывают знание, сознание и человеческую культуру, а также фиксаторы специфичности, характерные для единичных культур.

Страх представляет собой один из фундаментальных концептов [Красавский 2000; 2001; 2010а и др.] в восприятии окружающего мира человеком, поведение и речь которого в борьбе за существование в этом мире чрезвычайно нетерпимы, категоричны, неуважительны, агрессивны, что отражается в используемых им стратегиях и тактиках (угрозы, дискредитация, навешивание ярлыков, ложь, оскорбление, брань, игнорирование и др.)

[Петрова, Рацибурская, 2011, с. 21-22; Сквородников, 2019, с. 12-21]. По мнению ряда ученых, «страх» наряду с «гневом», «радостью», «грустью», «печалью» и «удовлетворением» – одна из основных, базовых эмоций человека [Вежбицкая, 1996; Красавский, 2001; Желтухина, 2006 и др.]. Страх играет существенную роль в культуре каждого общества.

Современные массмедиа нагнетают страхи и культивируют агрессию коммуникантов путем увеличения количества и скорости распространения информации, создания условий для невозможности ее адекватного структурирования, ограничения ее логического анализа с целью минимизации критического восприятия действительности, продуцирования трудноотличимых от реальных событий и фактов информационных фантомов и информационного шума благодаря трансляции избыточной, незначительной, ненужной информации, в том числе белого шума (информации, маскирующей факты), а также хаотичности [Желтухина, 2003; Сулима, 2018 и др.]. Навязчивый страх, который развивается в результате возвращения к негативным воспоминаниям и образам пережитых ранее страшных ситуаций, не осмысливается логически и обостряется в определенных ситуациях опасности (явных или мнимых), называется фобией¹ [Воробьева, 2022; Лукашевич, Цуверкалов, 2022]. Зафиксировано более 500 разновидностей фобий, которые мешают нормальной жизни человека, так как постоянно актуализируются, прежде всего, через СМИ. Все сказанное обуславливает интерес к изучению того, как сложное явление «страх» представлено и обсуждается в современном медиадискурсе.

Актуальность данного исследования связана с научным интересом к проблеме воздействующей силы единиц языка и речи в лингвосомиотическом аспекте. В фокусе внимания находятся проблемы текстовых реализаций языковых единиц для выражения страха ввиду возрастающей роли средств массовой информации в формировании картины мира индивида и нации с учетом таких характеристик, как субъективность и манипулятивность. Феномен страха носит универсальный характер и пронизывает все аспекты жизни современной языковой личности, присутствуя и в общественно-политической, и в социально-экономической, и в культурной, и в индивидуально-личностной сферах жизни каждого современного человека. При этом на сегодняшний день отмечается недостаточная изученность вербальных и невербальных механизмов выражения страха в современных массмедиа, а также необходимость разработки лингвосомиотического аспекта воздействия страха на адресата в медиадискурсе.

Объектом исследования является вербализация страха в современном медиадискурсе.

Предметом исследования выступают особенности вербализации страха в современном медиадискурсе в лингвосомиотическом аспекте.

Степень разработанности проблемы. В силу своей многогранности изучение феномена страха не теряет своей актуальности со времен Античности, вызывая исследовательский интерес как у зарубежных, так и у отечественных ученых в разных областях науки.

¹ В работе страх и фобия используются как синонимы, что допустимо в научных исследованиях данных феноменов.

Проблема страхов / фобий раскрывается в рамках теории коммуникации и социальной деятельности такими учеными, как Л. С. Выготский (1960), Н. А. Innis (1972), Дж. Остин (1986), Т. А. ван Дейк (1989), Б. Д. Карвасарский (1990) А. Т. Злобин (1991), О. Я. Гойхман (1997), В. П. Конецкая (1997), И. С. Кон (1999), Ю. Хабермас (2000), Г. М. Маклюэн (2003; 2005) и др., а также в рамках теории речевой деятельности такими исследователями, как Н. И. Жинкин (1964), Т. М. Дридзе (1984), В. И. Шаховский (1988), Н. Д. Арутюнова (1990; 1999), Г. О. Винокур (1990), К. Бюлер (1993), Ю. Д. Апресян (1995б, в), А. А. Леонтьев (1997; 1999), Е. Е. Анисимова (2003), О. С. Иссерс (2003а; 2003б), А. Н. Баранов (2007), Г. И. Фаизова (2008), L. W. Barsalou (2009), И. А. Стернин (2012), Е. Р. Иоанесян (2012) и др.

Ю. А. Сорокин (1985), М. М. Бахтин (1986), Дж. Остин (1986), И. Н. Горелов и К. Ф. Седов (1997), Г. И. Богин (2001), М. Р. Желтухина (2003; 2019), К. А. Тарасов (2003), Г. Г. Слышкин (2004) и другие ученые изучали различные аспекты проявления страха, основываясь на постулатах теории языковой личности и языкового сознания.

В контексте настоящей работы необходимо упомянуть разработку рассматриваемой проблемы в рамках теории текста и дискурса в публикациях таких ученых, как И. Р. Гальперин (1981; 2007), Б. М. Гаспаров (1996), М. А. К. Halliday, С. М. I. M. Matthiessen (1999), Р. Водак (1997; 2009), Н. А. Красавский (2000а, б; 2010а, б), В. И. Карасик (2002; 2004; 2010; 2015), М. Р. Желтухина (2003; 2015; 2017), Е. И. Шейгал (2004), В. З. Демьянков (2007а, б), Е. Н. Галичкина (2012), Б. М. Джандар и А. Д. Лоова (2012), Р. В. Патюкова (2012), В. Е. Чернявская (2013; 2017) и др., а также в рамках теории медиадискурса в работах таких исследователей, как Е. Е. Dennis, J. C. Merrill (1984), К. С. Гаджиев (1994), Ю. Н. Солодухин (1995), О. В. Кузьмин (1996); Ю. В. Рождественский (1996); И. Задорин, Ю. Бурова, А. Сюткина (1999); М. Р. Желтухина (2003; 2010а, б; 2013), М. Ю. Сюткина (2003); А. А. Kibrik (2011), Э. А. Китанина, Э. Г. Куликова (2019); Э. А. Китанина (2022), В. В. Катермина и Б. Г. Вульфович (2022), Э. А. Китанина, Я. Чи (2023) и др.

Современная наука занимается изучением феномена страха в разных аспектах. Формирование и функционирование страха представлены в трудах М. М. Бахтина (1990; 2019), У. И. Головахи и Н. В. Паниной (1994), В. А. Андрусенко (1995), У. Бека (2000), С. Я. Матвеевой и В. Э. Шляпентоха (2000), Ю. А. Зубка (2003), В. Л. Лехциера (2005), М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова (2009), Я. Френкель (2010) и др.

Специфика страха в контексте социальных взаимодействий (в социальном измерении) выявляется в работах таких исследователей, как Л. Фейербах (1955), Д. Юм (1965; 1995), П. Гольбах (1963а, б), И. Кант (1966; 1999), Т. Гоббс (1989), Ф. Шеллинг (1989), М. Хайдеггер (1993; 1997), Ф. Ницше (1993; 2007), М. Монтень (1997) и др.

Анализу особенностей социального страха посвящены научные изыскания В. Н. Шубкина и В. А. Ивановой (1999; 2004), В. Э. Шляпентоха (2003; 2006), В. А. Ядова (2005; 2018), В. Н. Кузнецова (2009) и др.

Семиотика дискурса и семиотический аспект страха отражаются в работах таких ученых, как Ч. Моррис (1983), Р. Барт (1989), Л. М. Землянова (1999), А. Щербенок (1999), В. В. Иванов (2000; 2009), А. В. Олянич (2004), Е. И. Шейгал (2004), Н. Букс, Ф. Конт (2005), М. Лотман (2005), К. В. Душенко (2006а; 2006б), У. Эко (2007), И. А. Ильина (2008), С. Н. Виноградов (2009), Н. А. Лукьянова (2009), Н. Л. Шубина (2009), О. С. Зубкова (2011), Е. И. Литневская (2016), М. Р. Желтухина, А. В. Украинская (2016; 2017а,б), Ю. В. Балакина, А. В. Соснин (2017), Е. Е. Бразговская (2019), С. А. Стройков (2019; 2024), И. П. Спорова и М. Р. Желтухина (2021), М. В. Ларионова (2022) и др. Однако комплексное лингвосемиотическое исследование особенностей вербализации страха в современном медиадискурсе еще не проводилось, что определяет несомненную значимость данной работы.

Гипотеза, положенная в основу исследования, заключается в том, что страх вербализуется в медиадискурсе в лингвосемиотическом аспекте и оказывает сильное воздействие на адресата благодаря использованию разных типов знаков, а также комплексному применению вербальных и невербальных средств.

Цель исследования – выявить особенности вербализации страха в современном медиадискурсе в лингвосемиотическом аспекте.

Для реализации поставленной цели и подтверждения выдвинутой гипотезы необходимо решить ряд **задач**:

- 1) охарактеризовать эмоциональную доминанту в типологии медиадискурса;
- 2) уточнить понятийные характеристики страха в медиасреде;
- 3) раскрыть вербальные характеристики страха в медиадискурсе;
- 4) выявить невербальные характеристики страха в медиакommunikации;
- 5) определить воздействующие характеристики страха в медиадискурсе;
- 6) описать лингвосемиотическое осуществление воздействия страха в медиадискурсе;
- 7) установить особенности лингвосемиотического планирования воздействия страха в медиадискурсе;
- 8) выявить лингвосемиотические модели воздействия страха в медиадискурсе.

Научная новизна исследования заключается в выявлении и комплексном описании особенностей вербализации страха в современном медиадискурсе в лингвосемиотическом аспекте. Впервые уточняются понятийные характеристики страха в медиасреде, раскрываются вербальные характеристики страха в медиадискурсе, выявляются невербальные характеристики страха в медиакommunikации, определяются воздействующие характеристики страха в медиадискурсе. Новым является также описание лингвосемиотического осуществления воздействия страха в медиадискурсе, установление особенностей лингвосемиотического планирования воздействия страха в медиадискурсе, выявление лингвосемиотических моделей воздействия страха в медиадискурсе.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в расширении теоретических знаний в рамках вербализации эмоции страха,

основанных на эмпирических наблюдениях, выявлении и анализе понятийных, вербальных, невербальных и воздействующих характеристик страха в современном медиадискурсе, установлении и описании лингвосемиотического осуществления, планирования и моделирования воздействия страха в медиакommunikации. Результаты исследования вносят вклад в развитие теоретической лингвистики, прикладной лингвистики, в частности, психо- и социолингвистики, лингвосемиотики, прагмалингвистики, когнитивной лингвистики, дискурсивной лингвистики, медиалингвистики, лингвокультурологии, лексикологии, теоретической грамматики, стилистики, теории эмоций и теории воздействия.

Практическая ценность исследования состоит в возможности применения полученных результатов и сформированного корпуса материала при разработке лекционных и специальных курсов по направлениям теории языка: психо- и социолингвистики, когнитивной, дискурсивной лингвистики, медиалингвистики, лексикологии, теоретической грамматики, стилистики, лингвокультурологии, прагмалингвистики, лингвосемиотики, эмотиологии. Кроме того, материалы диссертации могут быть использованы при создании курсов, посвященных лингвосемиотическим аспектам медиадискурса, медиавоздействию, анализу текста и дискурса, а также при выполнении самостоятельных научных работ студентами и аспирантами. Полученные результаты будут представлять интерес для специалистов в области филологии, журналистики, PR, психологии, педагогике, политологии, социологии и всех, кто интересуется вопросами выражения и восприятия эмоций, в частности страха, в медиaprостранстве.

Материалы исследования. Исследование основано на анализе текстов современных массмедиа, собранных в результате сплошной выборки в период с 2013 по 2025 год. Методологическая надежность, достоверность и объективность результатов обеспечиваются масштабностью выборки, включающей анализ 5680 текстовых, визуальных, аудиовизуальных медиафрагментов, содержащих вербализацию страха на русском и английском языках общим объемом 260 а.л. (без задачи сопоставления на данном этапе исследования). Единицей анализа выступает слово или выражение, содержащее или продуцирующее страх.

Методология исследования. Методологическую основу данного исследования представляет системный подход, включающий когнитивные, дискурсивные, философские, социальные, психологические, лингвосемиотические, лингвокультурологические аспекты. Системный подход позволяет анализировать каждое явление как неразрывное целое с учетом всех его внутренних связей и взаимоотношений.

Методика исследования. Для реализации намеченных задач и достижения поставленной цели в диссертации были использованы следующие методы исследования: описательно-сопоставительный метод, индуктивно-дедуктивный метод, предусматривающие непосредственное наблюдение и анализ явлений в конкретных речевых условиях, сопоставление, систематизацию и обобщение наблюдаемых фактов; контент-анализ,

концептуальный анализ, контекстуальный анализ, интерпретативный анализ, которые применялись с целью отслеживания закономерностей отбора и использования языкового материала, для выявления, анализа и интерпретации имплицитно выраженной в тексте или его фрагментах информации; лингвосемиотический, лингвокогнитивный, лингвопрагматический, лексико- и грамматико-стилистический анализ эмоциональных интенций и реакций в порождающих страх медиатекстах с целью выявления особенностей воздействия страха на адресата через СМИ; количественный анализ и прием сплошной выборки с целью формирования корпуса исследуемых языковых единиц и выявления лингвосемиотических закономерностей воздействия страха в современном медиадискурсе, лингвистическое интервьюирование, консультации с носителями языка для подтверждения спорных интерпретаций.

Теоретическая база исследования. Для комплексного исследования и анализа вербализации страха в современном медиадискурсе в лингвосемиотическом аспекте используются теоретические основы, разработанные зарубежными и российскими лингвистами в рамках лингвистики текста и теории дискурса, в том числе медиалингвистики и интернет-коммуникации: Р. Терри-Эсмор (1992), В. Н. Крупнов (1993), Б. Ю. Норман (2001), О. В. Александрова (2003), Е. Gorny (2004), А. Калмыков и Л. А. Коханова (2005), М. С. Школовая (2005), М. С. Школовая и М. Л. Макаров (2006), Л. Ю. Щипицина (2009), С. А. Лысенко (2010), М. Р. Желтухина (2014б; 2016), Е. В. Холодковская (2014а, б), А. Леонов (2015), В. А. Митягина (2015), М. Р. Желтухина и Т. Т. Зубарева (2016), Е. Н. Малюга и К. В. Попова (2018), М. Д. Маричев (2022) и др.

Разрабатываются научные концепции, предоставляющие рамки и методологические инструменты для более глубокого анализа и понимания жанровой природы медиадискурса и его функциональной семантики: В. К. Колобаев (1983), М. М. Бахтин (1996), Н. Д. Арутюнова (1990; 1999), Ю. Д. Апресян (1995б, в), В. А. Виноградов (1997), В. В. Дементьев (2000, 2002), В. Е. Гольдин и О. Н. Дубровская (2002), А. Вежбицкая (2005), Т. В. Чернышова (2005; 2007), О. Е. Павловская (2007), Л. Ю. Щипицина (2009), Е. Н. Галичкина (2012), Е. И. Литневская (2016) и др.

Проводится изучение психо-, социо- и прагмалингвистической, лингвосемиотической, лингвокогнитивной и лингвокультурной специфики медиадискурса: В. Н. Телия (1981; 1987), Г. Г. Почепцов (1987); Г. Г. Слышкин (2000), Л. Ю. Веретенкина (2001), З. Р. Хачмафова (2002), Е. Л. Варганова (2003), М. Н. Володина (2003; 2004), М. Р. Желтухина (2003), А. А. Стриженко (2003), А. В. Олянич (2004), В. И. Коньков, А. П. Потсар, С. И. Сметанина (2007), С. Г. Корконосенко (2009), А. В. Кулешова (2010), А. А. Романов и Ю. А. Сорокин (2008), Ю. А. Сорокин (2009), С. Г. Тер-Минасова (2008), А. П. Чудинов (2010), Л. Г. Викулова и Е. Ф. Серебренникова (2014), Е. Костюченкова (2019) и др., а также структуры, содержания и функционирования медиадискурса в контексте страха: Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов (1990), А. А. Леонтьев (1997; 1999), М. А. К. Halliday (1999), Ф. Рима (1999), В. Н. Шубкин, В. А. Иванова (1999), Т. Г. Добросклонская

(2000; 2005; 2006; 2008), Н. А. Красавский (2000а,б; 2010а,б), В. И. Карасик (2002; 2004; 2010), М. Р. Желтухина (2003; 2010а,б), С. В. Зайкина (2003), Е. И. Шейгал (2004), Н. Брукс и Ф. Конт (2005), А. Н. Баранов (2007), В. Е. Чернявская (2009; 2013), О. В. Эпштейн (2012) и др.

Исследуются характеристики природы эмоции страха: S. S. Tomkins (1962), J. Bowlby (1969), Н. И. Конюхов (1996), Ф. Б. Березин (2001; 2015), Э. Изард (2003; 2012), С. В. Зайкина (2003), Г. М. Бреслав (2007), Л. А. Панасенко (2009), В. Н. Гуляихин (2010), Е. П. Ильин (2015), А. А. Гофман и К. С. Колочихин (2022); средства вербализации эмоций, в том числе страха: К. С. Горбачевич, Е. П. Хабло (1979), М. Минский (1979), В. И. Шаховский (1988; 2003), Т. А. ван Дейк (1989), Е. С. Кубрякова (1991; 2008), А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный (1991), С. В. Зайкина (2000), Е. Н. Белая (2012), А. А. Зализняк (2013); Т. А. Островская (2014), М. Р. Желтухина (2016), Ю. П. Нечай и Л. Ю. Буянова (2016), Г. В. Петрова (2016), Е. Н. Гуц и Е. Д. Иванова (Лонская) (2021), Д. Г. Костромин, М. Р. Желтухина (2024) и др.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Страх как негативная эмоциональная реакция человека на опасность выступает одной из доминантных эмоциональных составляющих современного медиадискурса, в лингвосемиотическом аспекте которого имеет понятийные (философские, психологические и лингвистические), вербальные (лексические, грамматические, стилистические), невербальные (внешние и внутренние) и воздействующие (формирующие, акцентирующие, манипулирующие) характеристики и реализуется в медиакommunikации при помощи вербальных, невербальных, конверсивных и смешанных знаков.

2. Страх в таких его преобладающих в 2013–2025 годах разновидностях, как страх войны, страх смерти и инвалидности, страх конца, страх жизни, вербализуется в процессах лингвосемиотического осуществления, планирования и моделирования его воздействия на медиаадресата преимущественно в «желтом» медиадискурсе как доминантном типе по эмоциональному критерию.

3. Лингвосемиотическое осуществление медиавоздействия страха на адресата состоит в его вербальном, невербальном и смешанном (вербальном, невербальном, редко конверсивном) знаковом проявлении в основном на лексическом и грамматическом уровнях, а также в стилистическом аспекте.

4. Лингвосемиотическое планирование медиавоздействия страха на адресата представлено следующими направлениями, в которых применяются преимущественно смешанные (вербальные и невербальные) знаки: 1) планирование воздействия на социальное самочувствие, 2) планирование воздействия на мировоззрение, ценностные ориентации и социальную позицию, 3) планирование воздействия на социальные ожидания адресата, 4) планирование формирования готовности адресата к агрессивным действиям, 5) планирование научения адресата через наблюдение, 6) планирование закрепления установок адресата и известных ему образцов поведения.

5. Лингвосемиотическое моделирование медиавоздействия страха на адресата раскрывается в таких доминантных моделях, реализующихся с использованием вербальных, невербальных и смешанных (вербальных

и невербальных) знаков, как: 1) эффектно-заголовочная (25%), 2) комплексно-пунктуационная (22%), 3) акцентуированная (21%), 4) ролевая (17%), 5) стилевая (15%) модели.

Апробация работы и внедрение ее результатов. Ключевые положения и выводы диссертационного исследования были представлены автором в докладах на теоретических семинарах, заседаниях кафедры английской филологии, научно-исследовательской лаборатории «Дискурсивная лингвистика» Волгоградского государственного социально-педагогического университета, научно-образовательного центра «Человек в коммуникации» Пятигорского государственного университета, а также на научных конференциях разного уровня, в частности, международной научной конференции «Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики» к 30-летию Института филологии и межкультурной коммуникации Волгоградского государственного университета (Волгоград, Волгоградский государственный университет, 18.10.2013); 4th International Conference on the political, technological, economic and social processes (London, 27-28.07.2014); международной научно-практической конференции «Современные технологии обучения иностранным языкам» (Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет, 20.01.2016); Первой международной конференции «Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик» (Москва, Московский городской педагогический университет, 14-16.04.2016); IV международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра» (Москва, факультет журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 28-30.04.2016); всероссийской научной конференции «Жизнь языка в культуре и социуме – 7» (Москва, Институт языкознания РАН, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 01-02.06.2018); региональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы духовно-нравственного воспитания детей и молодежи» (Волгоград, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 30.04.2019); всероссийской научно-практической конференции «Теоретико-методические и практические аспекты духовно-нравственного воспитания детей и молодежи» (Волгоград, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 21-22.09.2022), XII всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: сущность, концепции, перспективы» (Волгоград, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 05.10.2023); XV международной научно-практической конференции «Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методические аспекты» (Йошкар-Ола, Марийский государственный университет, 12.10.2023); всероссийском круглом столе «Ключевые аспекты профессиональной подготовки специалистов для судебной системы в рамках социально-гуманитарных и экономических дисциплин (Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, 31.10.2024); международной научно-практической конференции «Инновационные подходы в межкультурной коммуникации,

лингвистике и лингводидактике» (Грозный, Грозненский государственный нефтяной технический университет им. академика М. Д. Миллионщикова, 31.10.2024); всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Цифровая революция: вызовы и возможности для современного общества», посвященной 5-летию Института цифровой экономики и технологического предпринимательства ГГНТУ им. академика М. Д. Миллионщикова (Грозный, Грозненский государственный нефтяной технический университет им. академика М. Д. Миллионщикова, 15.02.2025).

Итоги данной работы были интегрированы в теоретические и практические курсы для студентов и аспирантов ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (имеется справка о внедрении).

Результаты исследования нашли отражение в 12 публикациях, общим объемом 5,2 п.л., включая три статьи в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации, одну статью в журнале, индексируемом в ядре РИНЦ (Scopus Q1), а также в двух параграфах в коллективных монографиях.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы диссертационного исследования, определяются объект и предмет исследования, а также дается характеристика степени научной разработанности темы, формулируется гипотеза, обозначаются цель и задачи исследования. Кроме того, во введении раскрываются научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность полученных результатов, описываются исследовательский материал, теоретико-методологическая основа и применяемые методы. Также представлены основные положения, выносимые на защиту, сообщается об апробации исследования через участие в конференциях и публикацию научных статей, внедрение в образовательный процесс.

В первой главе «ФОБИЙНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА» дается характеристика эмоциональной доминанты в типологии медиадискурса, уточняются понятийные характеристики страха в медиасреде, раскрываются вербальные характеристики страха в медиадискурсе, выявляются невербальные характеристики страха в медиакommunikации, определяются воздействующие характеристики страха в медиадискурсе.

В параграфе 1.1 охарактеризована эмоциональная доминанта в типологии медиакommunikации, которая представлена «желтым» медиадискурсом. В результате исследования установлено, что «качественный» и «желтый» типы медиадискурса отличаются друг от друга, прежде всего, по критерию эмоциональности и по критерию аттрактивности (привлечения внимания аудитории сенсационностью и скандальностью медиасообщений в современной медиакommunikационной среде).

Выявлены основные характеристики «желтого» медиадискурса: 1) эмоциональное воздействие, 2) сенсационность, 3) освещение скандалов и частной жизни знаменитостей, 4) недостоверность, 5) использование шокирующих изображений; 6) особое внимание к преступности, 7) ориентация на коммерческий успех. Именно в «желтом» медиадискурсе аккумулируются эмоции, в том числе и страхи.

В параграфе 1.2 уточнены понятийные характеристики страха в медиасреде в философском, психологическом и лингвистическом аспектах. Под страхом в медиадискурсе мы понимаем негативную эмоцию, возникшую в ситуации угрозы биологическому или социальному существованию медиакommunikанта и направленную на источник действительной или мнимой опасности в современном медиапространстве, обладающую философскими, психологическими и лингвистическими характеристиками. Понятийные характеристики включают следующие компоненты: состояние, эмоция, оценочность (положительная/отрицательная), градуированность (синонимичные ряды), интенсивность, формативность (рациональная, чувственная), субъектность и объектность (одушевленный, неодушевленный), причинность (отрицательная, нейтральная), угроза (реальная, воображаемая), темпоральность (проспективная, ретроспективная, позиционная, динамическая, длительная), результативность (достижимая и недостижимая), метафоричность (вещество, сущность), манифестированность (вербальная: лексическая, грамматическая, стилистическая; невербальная: внутренняя и внешняя), функциональность. От характера угрозы зависит вариативность интенсивности и специфики переживания страха – от опасения, боязни, испуга до ужаса.

В параграфе 1.3 раскрыты вербальные характеристики страха в медиадискурсе. К ним относятся, прежде всего, лексические, грамматические и стилистические характеристики. Частотность их использования в современном медиадискурсе представлена на рисунке 1.

Рисунок 1. Диаграмма частотности вербальных характеристик страха в медиадискурсе.

Как видно из диаграммы на рисунке 1, доминирующими вербальными характеристиками страха в медиадискурсе выступают лексические (64%), далее следуют грамматические и стилистические (по 18%) характеристики.

Зафиксированы многочисленные лексические отклонения, характеризующие порождаемый и транслируемый страх в медиадискурсе, к которым относятся:

1) неточное употребление слова: *«Но что, если вы каждую ночь по несколько часов лежите в кровати, раздумывая о насущных проблемах или ни о чем конкретном? Такой признак может указывать на тревожное расстройство. При нем большая половина людей испытывают сложности со сном. Еще одной подсказкой в сторону тревоги может быть повторяющиеся состояния, когда вы просыпаетесь ночью встревоженным, сердце колотится и вы долго не можете успокоиться. Иррациональный страх. Тревога может быть у любого человека. Тревоги, связанные со страхом полетов, животных, пауков встречаются часто. Но, когда страх становится доминирующим и подавляющим, а главное, не соответствует фактическим рискам – это признак фобии, одному из разновидностей тревожного расстройства»²³ (14.05.2022, URL: <https://ru.shvchnko.com/priznaki-trevozhnogo-rasstrojstva/>);*

2) лексические штампы: *«Лавров заявил, что противостояние с Западом «в полном разгаре»» (URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/05/2024/6648a16c9a79471614af185b>);*

3) плеоназм и тавтология: *«Чем сильнее мы чего-то боимся, тем больше делаем для того, чтобы это сбылось. <...> В конечном итоге за синдромом самозванца кроется проблема личностной и профессиональной идентичности» (26.06.2021, URL: <https://reminder.media/post/anxiety-1>);*

4) кальки и полукальки: *«Стритрейсинг – опухоль современного общества» (URL: <https://i-gazeta.com/news/proisshestiya/2025-04-14/v-bashkirii-zhenschina-posle-razborok-s-muzhem-popala-v-bolnitsu-4197853>);*

5) некодифицированная лексика: *«В Башкирии женщина после разборок с мужем попала в больницу» (URL: <https://i-gazeta.com/news/proisshestiya/2025-04-14/v-bashkirii-zhenschina-posle-razborok-s-muzhem-popala-v-bolnitsu-4197853>).*

В результате проведенного анализа установлено, что в процессе порождения или трансляции страха в современном медиадискурсе отмечаются следующие его грамматические характеристики: 1) ослабление падежных функций, что является нарушением нормы русского литературного языка, например, случаи неправильного выбора падежа; 2) использование вводных слов и предложений, указывающих на: а) призыв к адресату в целях привлечения его внимания к информации, внушения определенного отношения к ней; б) связь и последовательность изложения мыслей; в) экспрессивность сообщения; г) источник информации; 3) использование повествовательных, вопросительных и восклицательных предложений, обращенных к самому адресату, воздействующих на его эмоциональное состояние и сознание; эллиптических вводных конструкций, парцелляции. Также зафиксированы синтаксические отклонения: 1) отсутствие согласования по смыслу; 2) нарушение управления; 3) нарушение прямого порядка слов.

² Все медиаисточники здесь и далее используются в официальный период их деятельности.

³ Здесь и далее в примерах орфография и пунктуация оригинала сохранены.

В результате проведенного анализа выявлены стилистические характеристики передачи страха в медиадискурсе, наиболее частотные в современных «желтых» массмедиа: 1) использование фразеологизмов, устойчивых выражений, включая неcodифицированные; 2) употребление метафор: метафорическая лексика группируется в соответствии с принадлежностью образов к определенному понятийному полю: а) физиологические, медицинские метафоры; б) метафоры конца света; в) метафоры бизнеса; г) театральные метафоры; д) метафоры игры; 3) сравнение как открытое развернутое сопоставление одного факта действительности с другим (обозначаемого и обозначающего) по одному или нескольким названным или неназванным признакам, несущее дополнительную информацию и помогающее наиболее полному раскрытию мысли адресанта, созданию нового взгляда на старое; 4) эпитет как художественное определение, подчеркивающее какой-либо признак (свойство) предмета или явления.

В параграфе 1.4 выявлены невербальные характеристики страха в медиакommunikации – внешние и внутренние (см. рисунок 2).

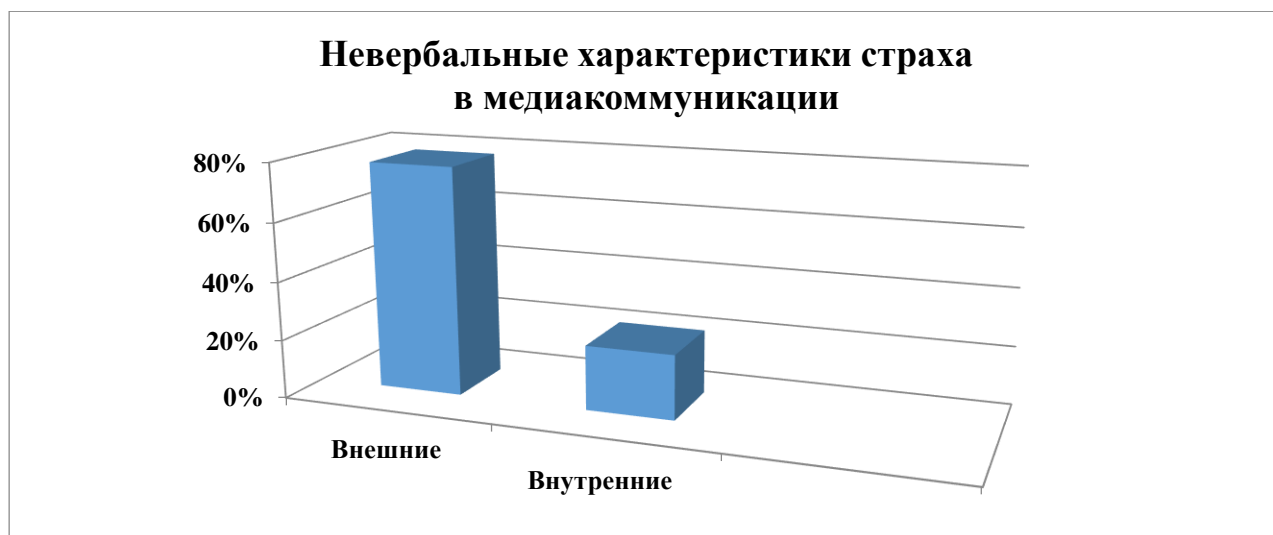

Рисунок 2. Диаграмма частотности невербальных характеристик страха в медиадискурсе.

Из представленных в диаграмме данных следует, что к основным доминирующим невербальным характеристикам страха в медиакommunikации относятся внешние (78%) и внутренние (22%) характеристики. В современном «желтом» медиадискурсе внешние невербальные характеристики страха могут быть описаны вербально либо изображены на фотографии или в видеофайле (в кадре) во внешних проявлениях: 1) изменения в мимике и жестах, 2) внешние изменения лица и тела, 3) функциональные расстройства и изменения. Внутренние невербальные характеристики страха в массмедиа проявляются как возбуждение некоторых нейронов центральной нервной системы, что приводит к изменению мимики и поведения на внешнем уровне, тем самым внутренние процессы обуславливают внешние, которые могут быть репрезентированы словесно или визуально.

В параграфе 1.5 определены воздействующие характеристики страха в медиадискурсе, в частности, формирующие, акцентирующие и манипулирующие, результаты анализа использования которых представлены на рисунке 3.

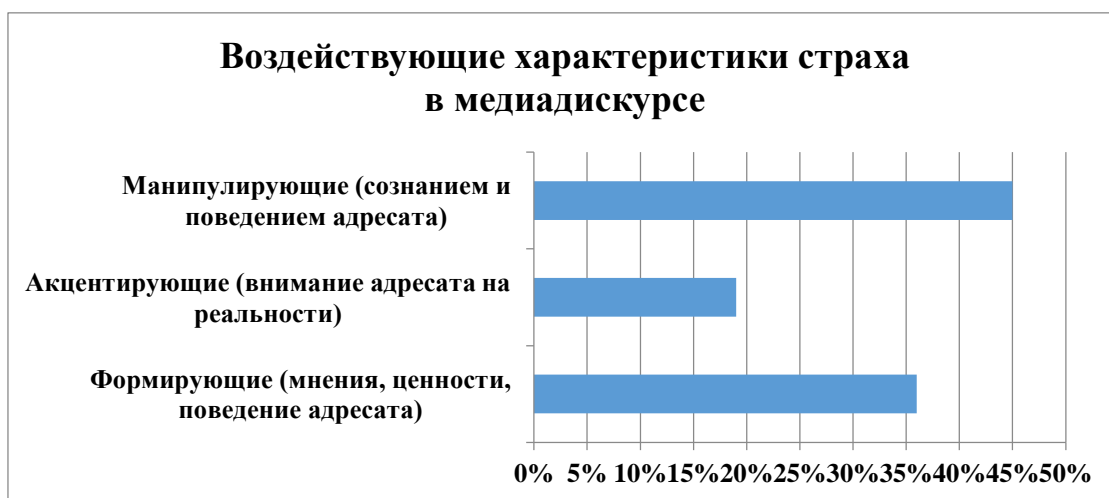

Рисунок 3. Диаграмма частотности воздействующих характеристик страха в медиадискурсе.

Анализ данных, представленных в диаграмме, позволил сделать вывод о том, что в современном медиадискурсе доминируют манипулирующие характеристики страха (45%). Это объясняется воздействующим характером медиадискурса, его манипулятивной природой и влиянием на эмоциональную сферу, а также желанием медиаадресанта максимально эффективно воздействовать на сознание и поведение адресата. Примечательно, что акцентирующие внимание адресата на реальности характеристики страха (19%) занимают следующую позицию после характеристик страха, формирующих мнения, ценности и установки адресата (36%). Результаты количественного анализа свидетельствуют о значимости для медиаадресанта его глубинного воздействия на адресата с целью изменения мнения, ценностей, установок широкой аудитории в медиакоммуникации.

Воздействие на массового адресата с формированием у него чувства страха осуществляется в современных «желтых» СМИ в основном посредством манипулирования темами войны, военных действий, терроризма, внешней угрозы, насильственной смерти, катастрофы, экономического или политического кризиса. Учитывая реальные потребности массового адресата в устрашающей информации, слухах, сенсациях, «желтые» массмедиа создают и тиражируют страхи, изменяя качественную составляющую медиапространства в «желтую» сторону, проникая во все виды массмедиа (официальные, центральные, отраслевые, региональные и пр.). Более эффективного воздействия на сознание и подсознание адресата медиаадресанту позволяют достичь вербальные и невербальные средства манипулирования страхами. В текстах «желтых» СМИ наблюдается единая медиадискурсивная стратегия устрашения для оказания воздействия адресанта на адресата путем трансляции и ретрансляции страхов, глобальных конфликтов, катастроф и пр.

Во второй главе «ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ МЕДИАРЕАЛИЗАЦИЯ СТРАХА» описывается лингвосемиотическое осуществление воздействия страха в медиадискурсе; устанавливаются особенности лингвосемиотического планирования воздействия страха в медиадискурсе; выявляются лингвосемиотические модели воздействия страха в медиадискурсе.

В параграфе 2.1 выявлено, что преобладание воздействия и интерпретации над информированием обуславливает стилистику и семиотику реализации страха в «желтых» СМИ. Важно подчеркнуть, что современные «желтые» тексты массмедиа, порождающие страхи в общественном сознании, являются «мультиmodalными (Н. В. Чичерина), креолизованными (Н. С. Валгина, Л. Г. Кайда), поликодовыми (В. Е. Чернявская), интегрирующими в едином смысловом пространстве разнородные компоненты (вербальные, визуальные, аудитивные, аудиовизуальные)» [Казак, 2012, с. 327]. Мультиmodalность медиадискурса обуславливает применение медиаадресантом различных типов знаков (вербальных, невербальных, конверсивных (ссылочных, цифровых и кодовых (QR-код)), смешанных) в процессе воздействия на массового медиаадресата [Желтухина, Украинская, 2016; 2017а; 2017б; Кравцова, Шмелева, 2020 и др.]. Тот факт, что именно на фоне перечисленных процессов происходит лингвосемиотическое осуществление воздействия страха в медиадискурсе, позволяет говорить о необходимости применения комплексного подхода к его изучению. Анализ фактического материала показал, что медиавоздействие страха реализуется преимущественно на лексическом и грамматическом уровнях, а также в стилистическом аспекте.

Фиксированные, заранее заданные оценки и старая концептуальная информация, редукция фактологической информации, вариативность речевых действий отличают медиасообщения, повествующие о страхах, вызывающие страх. В текстах «желтых» СМИ наблюдается единая медиадискурсивная стратегия устрашения для оказания воздействия адресанта на адресата путем трансляции и ретрансляции страхов, ужасов, катастроф, глобальных конфликтов и т.д. Для усиления воздействия и внушения устрашающих сообщений в «желтых» СМИ активно используются преимущественно вербальные и невербальные средства. Результаты количественного подсчета вербальных случаев лингвосемиотического осуществления воздействия страха и частотность его проявления в медиадискурсе представлены на рисунке 4.

Рисунок 4. Диаграмма частотности особенностей лингвосемиотического осуществления воздействия страха в медиадискурсе.

В результате исследования определены основные типы «желтых» медиастрахов, которые выражены преимущественно существительными, глаголами и иногда прилагательными:

1) страх войны (вооруженные конфликты, нападения, терроризм) – «...*In Germany and France, the authorities thwarted terrorists' plots to attack with the deadly poison ricin. In eastern Syria, the Islamic State continued its retreat under stepped-up assaults by Kurdish militia and Iraqi pilots. And extremists in Yemen, Somalia and Libya were targeted by American airstrikes...*» = «В Германии и Франции власти сорвали планы террористов атаковать с помощью смертельного яда рицина. На востоке Сирии Исламское государство продолжило отступать под натиском усиливающихся атак курдских ополченцев и иракских летчиков. А экстремисты в Йемене, Сомали и Ливии подверглись американским авиаударам» («ISIS May Be Waning, but Global Threats of Terrorism Continue to Spread», NYT, 06.06.2018, URL: <https://www.nytimes.com/2018/07/06/world/middleeast/isis-global-terrorism.html>);

2) страх смерти и инвалидности (физические потери, естественная и насильственная смерть) – «...*The deadly shooting at a crowded Strasbourg street market was an act of terrorism, officials said Wednesday, as hundreds of police officers hunted the fugitive assailant, a man described as a radicalized hometown career criminal. The gunman killed at least two people and wounded 12 in the Tuesday night shooting spree at the famous Christmas market in Strasbourg, a city of more than a quarter-million in France's northeast border with Germany...*» = «Смертельная стрельба на переполненном уличном рынке Страсбурга была актом терроризма, заявили в среду чиновники, в то время как сотни полицейских охотились за беглым нападавшим, мужчиной, описанным как радикальный местный профессиональный преступник. Стрелок убил по меньшей мере двух человек и ранил 12 во вторник вечером в перестрелке на знаменитом рождественском рынке в Страсбурге, городе с населением более четверти миллиона человек на северо-восточной границе Франции с Германией» («France Declares Strasbourg Shooting an Act of Terrorism», NYT, 12.12.2018, URL: <https://www.nytimes.com/2018/12/12/world/europe/france-strasbourg-shooting.html>);

3) страх конца (*апокалипсис, кризис, разрушение страны, экономики, потеря военной мощи, хаос, утрата материальных ценностей, разоблачения, нарушение конфиденциальности, collapse, end, failure, fall, attrition, chaos, crisis, spy(ing), a sudden cessation of power, the collapse of a business* и etc.); 4) страх жизни (*неизвестность, угроза, опасность, бедствия, катастрофы, fear, threat, danger, disaster, uncertainty, alert, emergency, evil* и etc.).

Исследование фактического материала позволяет говорить о том, что в «желтых» медиатекстах происходит качественная и количественная креативная аккумуляция экспрессивных средств выражения страха: используются метафоры («*Clothing and cutlery may appear clean to the naked eye but still actually be crawling with bacteria and germs*» (The Charlotte Post, 02.09.2013) = «Одежда и посуда могут казаться чистыми для невооруженного глаза, однако на самом деле по ним все еще ползают бактерии и микробы»), олицетворения (– «*Доведут ли*

доллар до краха долги правительства США?» (АиФ, 22.10.2021, URL: https://aif.ru/politics/world/dovedut_li_dollar_do_kraha_dolgi_pravitelstva_ssha), аллюзии, фразеологические трансформации, каламбуры, ироничные пародии («*Social engagement is being used as the way to motivate staff with employees commenting on their colleagues' work wall and managers dishing out virtual brownie points*» (The business Value Exchange, 02.05.2013) = «Общественно-благотворительная деятельность используется как способ мотивировать сотрудников докладывать о работе коллег и менеджеров, раскладывающих по тарелочкам знаки поощрения»), сравнения («*Such magazines «are so easy to see as a menace to our society»*» = «Такие легко читаемые журналы видятся нам как угроза обществу» (New York Times, 18.02.2013), фразеологизмы («*У страха глаза велики! Лобода удалила импланты после случая с Кудрявцевой*» (Vladtime.ru, 25.01.2020, URL: https://vladtime.ru/shou_biznes/741310), окказионализмы, эллиптические и вставные конструкции, парцелляции, ориентация на разговорность, «заимствования» из просторечия, жаргона («*In the new workplace it's the employees who call the shots*» (The Business Value Exchange, 02.05.2013) = «На новом рабочем месте именно сотрудники заправляют»), адресованность по типам обращений, языковая игра со смыслами, особенно в заголовках.

Грамматические средства создают страх зависимости и несвободы, страх незащитности, которые преобладают в «желтых» СМИ, а также страх неуверенности и неудач, проявляющийся в сомнениях, недоверии социума к государственной власти. Для усиления воздействия используются вопросительные конструкции («*The fact that this happened is a big problem for us. We are shocked by the fact this could ever happen. We are all wondering: how is this possible?*» («New York Times», 28.04.2013) = «Сам факт, что такое произошло, – большая проблема для нас. Мы все шокированы тем, что такое вообще могло случиться. Мы все изумляемся: как такое возможно?»), которые побуждают адресата к размышлению об актуальных проблемах, а также восклицательные предложения, которые призывают адресата обратить внимание на сообщение о том или ином событии, вызывающем страх. Вводные слова указывают на экспрессивность сообщения, чувства адресанта в связи с сообщением о страшном или тревожном событии, оценку адресантом степени достоверности сообщения (возможность, предположение, уверенность), меры сообщаемого, обычности информации, на последовательность изложения мыслей, источник сообщения, на призыв к адресату для привлечения его внимания к информации («*Although Beijing officials have said sulfur dioxide counts have dropped in recent years, the soupy haze that often blankets the city tells a different story*» (Los Angeles Times, 16.05.2013) = «Несмотря на то, что власти в Пекине говорят о снижении сернистого газа за последние годы, туман, обволакивающий город, говорит об обратном»; – «*...Представьте себе реакцию, которая возникла бы в США, если бы Путин сказал, что Байдена следует «подавить»! Байдену не хватает какой-либо части старшего государственного деятеля. Жаль, что молодые лидеры со всего мира не учатся ничему хорошему у этого склонного к ошибкам восьмидесятилетнего*

лидера...» (Дзен.Статьи, 18.10.2023, URL: <https://dzen.ru/a/ZS-5Mjbb3SwDJ4N1>), внушения определенного отношения к ней и т.п.

Рассмотренные стилистические средства, используемые в «желтых» массмедиа, большей частью нацелены на порождение страха зависимости и несвободы, страха беззащитности и в меньшей степени – страха неуверенности и неудач. Усиление воздействия на адресата осуществляется за счет экспрессивности, образности и выразительности сообщений благодаря применению различных тропов: метафор, сравнений, олицетворений, эпитетов, повторов, аллюзий, каламбуров, окказионализмов, а также фразеологизмов, жаргонизмов и пр.

Современные «желтые» медиасообщения, актуализирующие страхи в общественном сознании, являются мультимодальными, поликодовыми, креолизованными, синтезирующими в медиадискурсе разнородные компоненты: вербальные, невербальные (визуальные, аудитивные, аудиовизуальные) в едином смысловом пространстве.

«Желтые» СМИ, применяя смешение стилей и жанров, способствуют индивидуализации, своеобразию, образности, нестандартности подачи информации, создают доверительные отношения между адресантом и адресатом, способствуют достижению наибольшего воздействия на сознание и подсознание адресата. При этом нельзя не указать на высокую частотность в «желтых» медиатекстах грубых слов и выражений с негативной коннотацией. В «желтых» СМИ культивируется агрессивно-эпатирующий стиль, который проявляется при реализации установки адресанта на сенсационность медиасообщения, что стимулирует активную агрессивную и вульгарную оценочность адресата. В «желтых» массмедиа манипуляции страхами реализуются вербально (на лексическом, грамматическом уровнях, в стилистическом аспекте) и невербально, а также в смешанном (вербальном, невербальном, редко конверсивном) знаковом проявлении. Вербальные и невербальные средства медиаманипулирования страхами коррелируют друг с другом, что позволяет медиаадресанту добиться максимального эффекта воздействия на сознание и подсознание.

В параграфе 2.2 установлены особенности лингвосемиотического планирования воздействия страха в медиадискурсе на сознание и поведение адресата с использованием вербальных и невербальных средств. Результаты количественного подсчета частотности использования направлений лингвосемиотического планирования воздействия страха в медиадискурсе, в которых применяются преимущественно смешанные (вербальные и невербальные) знаки представлены на рисунке 5. Выявлено, что наиболее частотными направлениями лингвосемиотического планирования воздействия страха в медиадискурсе выступают планирование воздействия на социальное самочувствие (26%) и планирование воздействия страха на мировоззрение адресата, ценностные ориентации и социальную позицию (24%). Наименее значимым направлением планирования является научение адресата через наблюдение (6%), поскольку данный процесс является длительным и субъективным, что делает невозможным постоянный итоговый контроль

выводов, которые медиаадресат может сделать в результате наблюдения – **«Снова раскритиковали медиков»**. *«Татьяна Голикова обвинила медиков в том, что они не понимают причин низкой рождаемости и не занимаются профилактикой падения рождаемости... Также Голикова заявила, что сегодня 100% нацеленности на повышение рождаемости не наблюдается...»* (22.03.2023, URL: <https://dzen.ru/a/ZBqvnY7wUBOKfmJk>). Такое лингвосемиотическое воздействие возможно осуществлять с наибольшей эффективностью в малых группах целевой аудитории.

Рисунок 5. Диаграмма частотности особенностей лингвосемиотического планирования воздействия страха в медиадискурсе.

Рисунок 5 наглядно демонстрирует, что среднее положение по степени значимости занимают такие направления планирования воздействия, как

- планирование воздействия на социальные ожидания (18%) – **«В Петербурге девушка дома родила мертвую дочь и выбросила ее из окна»** (Газета.ru, 21.11.2022, URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/11/21/19084027.shtml>); **«В Индии убили 12 миллионов девочек. Девочки – обуза растущим экономикам. За последние 30 лет в Индии родители сознательно абортировали более 12 миллионов эмбрионов женского пола. Мотив – горячее желание иметь наследника исключительно мужского пола...»** (ЭГ, 30.05.2011, URL: <https://www.kp.ru/daily/25694/897841/>);

- закрепление установок адресата и известных ему образцов поведения – **«Цветная американская революция. Гражданская война между белыми, черными и испаноязычными жителями США разделит страну на три уже к 2020 году. Один из судов Флориды вынес оправдательный приговор белому охраннику Джорджу ЦИММЕРМАНУ, застрелившему безоружного»**

чернокожего подростка Трейвора МАРТИНА. В ту же минуту на улицы Нью-Йорка, Чикаго, Сан-Франциско, Майами и Филадельфии **вышли тысячи возмущенных афроамериканцев. Митинги, временами перерастающие в погромы, идут уже две недели.** Ряд экспертов поспешил назвать происходящее **первой искоркой цветной революции в США»** (ЭГ, 08.08.2013, URL: <http://www.eg.ru/daily/politics/39703/>);

- формирование готовности адресата к агрессивным действиям (по 14%) – **«Сябитова отомстила Курицыной за тюнинг»** (ЭГ, 05.07.2013, URL: <https://www.eg.ru/relax/39205/>); **«10 лет как не нужна никому!»: Соседов подло «отомстил» Пугачевой»** (09.12.2021, URL: https://www.popcornnews.ru/news/10-let-kak-ne-nuzhna-nikomu-sosedov-podlo-otomstil-pugachevoy_id281078_a120).

В этих направлениях планирования воздействия формируется устойчивое восприятие раздражителей, опасности для формирования готовности адресата к определенным агрессивным действиям в результате высокой степени проявления угрозы и переживания эмоции страха.

В параграфе 2.3 выявлены лингвосемиотические модели медиавоздействия страха на адресата, реализующиеся с использованием вербальных, невербальных и смешанных (вербальных и невербальных) знаков, проанализирована частотность их употребления в современном медиадискурсе. Результаты представлены на рисунке 6.

Рисунок 6. Диаграмма частотности лингвосемиотических моделей страха в медиадискурсе.

Представленные данные наглядно демонстрируют тот факт, что самой распространенной доминантной моделью воздействия страха в проанализированном корпусе современного медиадискурса является эффектно-заголовочная модель (использование привлекающих внимание заголовков в экспрессивной и выразительной форме) (25%) – **«ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ, ЭТО ТЫ ДОВЕЛ НАШУ ЭКОНОМИКУ ДО КРАХА»: МАЛОФЕЕВ ОБРАТИЛСЯ К ЧУБАЙСУ** (Царьград, 26.05.2020; URL: https://tsargrad.tv/news/dorogoj-krokodil-jeto-ty-dovel-nashu-jekonomiku-do-kraha-malofeev-obratilsja-k-chubajsu-2_256106?ysclid=ls6ldgkfac891243759); **«Байден В УЖАСЕ!!! Сигнал Зеленского О Будущем Украины Шокировал Жителей Запада»** (24newspolit, 08.05.2023;

URL: <https://24newspolit.ru/bayden-v-uzhase-signal-zelenskogo-o-buduschem-ukrainy-shokiroval-zhiteley-zapada/>).

Это объясняется тем, что заголовки обладают особенно мощным воздействующим потенциалом в силу своей краткости и нацеленности на привлечение внимания адресата, в которых для создания максимального эффекта воздействия на адресата применяются разнообразные лексические, грамматические и стилистические средства.

Установлено, что кроме эффектно-заголовочной модели, лингвосемиотическое моделирование медиавоздействия страха на адресата раскрывается в следующих доминантных моделях, реализующихся с использованием разных типов знаков: *комлексно-пунктуационной* (применение восклицательных и вопросительных знаков, многоточия и пр.) (22%) – «*Путь к жизни без антибиотиков: почему лекарства больше не действуют?*» (АиФ, 16.01.2014, URL: <https://aif.ru/health/life/1082961?ysclid=lmqtfhswj6621100250>), *акцентуированной* (использование интонационного и графического выделения главного, восклицаний и восклицательных утверждений и др.) (21%) – «*“Мы, сука, Америка!” – официальный представитель Белого дома объяснил доктрину Трампа. – Мы, сука, Америка! Вот доктрина Трампа = “The Trump Doctrine is ‘We’re America, Bitch.’ That’s the Trump Doctrine”, ролевой* (создание определенного образа автора (исследователь, собеседник, союзник, друг, оппонент, разоблачитель, обвинитель, судья, защитник и т.д.)) (17%) – «*Газ навсегда: журналист обвинил США во взрывах на “Северных потоках”*» (08.02.2023, URL: <https://iz.ru/1467294/mariia-vasileva/gaz-i-navsegda-zhurnalists-obvinil-ssha-vo-vzryvakh-na-severnykh-potokakh>); *стилевой* (использование разных средств в зависимости от содержания текста (научно-популярный, художественный и др.)) (15%) – «*Как наука борется с бактериями, устойчивыми к антибиотикам. Это война! Ученые против микробов*» (РГ, 08.02.2017, URL: <https://rg.ru/2017/02/08/kak-nauka-boretsia-s-bakteriiami-ustojchivymi-k-antibiotikam-kot.html>).

Проведенный анализ показал, что перечисленные лингвосемиотические модели воздействия страха часто пересекаются друг с другом в современных печатных и электронных медиа для достижения максимального эффекта воздействия на адресата.

В заключении диссертации подводятся итоги проведенного исследования, делается вывод о достижении цели и поставленных задач, намечаются перспективы дальнейшего исследования.

В ходе исследования удалось установить, что эмоциональная доминанта в типологии медиакommunikации представлена «желтым» медиадискурсом; понятийные характеристики страха в медиасреде включают в себя философские, психологические и лингвистические характеристики; вербальные и невербальные средства медиаманипулирования страхами коррелируют друг с другом, что позволяет медиаадресанту добиться максимального эффекта воздействия на сознание и подсознание медиаадресата.

Кроме того, выявлены особенности лингвосемиотического планирования воздействия страха в медиадискурсе на сознание и поведение адресата с

использованием вербальных и невербальных средств, с преобладанием в использовании в проанализированном нами корпусе современного медиадискурса – планирования воздействия на социальное самочувствие (26%) и планирования воздействия страха на мировоззрение адресата, ценностные ориентации и социальную позицию (24%). А также установлено, что лингвосемиотическое моделирование медиавоздействия страха на адресата раскрывается в пяти основных доминантных моделях, реализующихся с использованием разных типов знаков, с преобладанием в использовании – эффектно-заголовочной модели (25%).

Полученные результаты исследования открывают широкие перспективы дальнейших научных изысканий в лингвосемиотическом аспекте, поскольку необходимо изучить взаимодействие разных типов знаков в различных жанрах медиадискурса, обеспечивающее эффективное медиавоздействие трансляции страха на адресата. В данной работе намечены пути будущих исследований в аспектах осуществления, планирования и моделирования воздействия страха в современном медиадискурсе в разных лингвокультурах, в том числе в сопоставительном аспекте.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

I. Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России

1. Зубарева, Т. Т. О проблеме создания социофобий в современных массмедиа / С. И. Байбикова, М. Р. Желтухина, Т. Т. Зубарева. – Текст : электронный // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 454-458. – URL: <http://hses-online.ru/2014/02/088.pdf>. – eISSN: 2070-1403 (0,625 п.л., авт. – 0,4 п.л.).
2. Зубарева, Т. Т. Социофобии в «желтых» массмедиа: лексический, грамматический, стилистический аспекты / Т. Т. Зубарева. – Текст : непосредственный // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2015. – № 4. – С. 82-88. – ISSN 2074-8361 (авт. – 0,875 п.л.).
3. Зубарева, Т. Т. Вербальные средства порождения страха в современном «желтом» медиадискурсе / Т. Т. Зубарева. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 3 (107). – С. 121-126. – ISSN 1815-9044 (авт. – 0,75 п.л.).

II. Статьи в изданиях, индексируемых в Scopus, в ядре РИНЦ

4. Zubareva, T. T. Verbal means of media manipulation with fears (on material of the American, English and Russian tabloid press) / L. L. Zelenskaya, T. T. Zubareva, V. N. Denisenko, L. D. Chervyakova, Yu. A. Kosova. – Text : direct/electronic // XLinguae. – 2018. – Volume. 11. – Issue 3. – Pp. 39-50. – URL: https://www.xlinguae.eu/2018_11_03_04.html. – DOI: 10.18355/XL.2018.11.03.04. – ISSN: 1337-8384 ; eISSN: 2453-711X (1,5 п.л., авт. – 0,8 п.л.).

III. Монографии

5. Зубарева, Т. Т. Страхи в современном медиадискурсе: «желтые» манипуляции / С. И. Байбикова, М. Р. Желтухина, Т. Т. Зубарева. – Текст : непосредственный // Человек и его дискурс-4 : коллективная монография / ответственный редактор М. Р.

Желтухина. – Москва : ИЯ РАН, ИЦ «Азбуковник», 2014. – 398 с. – С. 68-83. – ISBN 978-5-9906022-0-5 (1,0 п.л., авт. – 0,6 п.л.).

6. Зубарева, Т. Т. 4.5. Психологическое воздействие транслируемых социофобий в современном медиадискурсе / Т. Т. Зубарева // Лингвокультурное воздействие в разных типах дискурса: к 20-летию научной школы М. Р. Желтухиной : коллективная монография / Ответственный редактор Е. В. Доброниченко. – Волгоград : ООО «ПринтТерра-Дизайн», 2024. – С. 211-216. – ISBN: 978-5-98424-318-6 (авт. – 0,375 п.л.).

IV. Публикации в других научных изданиях

7. Зубарева, Т. Т. К вопросу об определении понятия «страх» / С. И. Байбикова, М. Р. Желтухина, Т. Т. Зубарева. – Текст : непосредственный // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики : материалы Международной научной конференции (г. Волгоград, 18 октября 2013 г.) / редколлегия: Н. Л. Шамне; ответственный редактор В. П. Свиридонова и др. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. – С. 81-87. – ISBN 978-5-9669-1234-5 (0,44 п.л., авт. – 0,2 п.л.).

8. Зубарева, Т. Т. «Желтые» медиастрахи: критерии дифференциации / Т. Т. Зубарева. – Текст : непосредственный // Современные технологии обучения иностранным языкам : Международная научно-практическая конференция (г. Ульяновск, 20 января 2016 года) : сборник научных трудов / ответственный редактор Н. С. Шарафутдинова. – Ульяновск : УлГТУ, 2016. – С. 294-299. ISBN: 978-5-9795-1497-0 (авт. – 0,375 п.л.).

9. Зубарева, Т. Т. Бульваризация медиадialogа культур в XXI веке и социофобии / Т. Т. Зубарева. – Текст : непосредственный // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик : материалы Первой международной научно-практической конференции / под общей редакцией Е. Г. Таревой, Л. Г. Викуловой. – 2016. – С. 215-217. – ISBN: 978-5-9907685-3-6 (авт. – 0,2 п.л.).

10. Зубарева, Т. Т. О некоторых моделях воздействия страха на адресата в печатных и электронных «желтых» массмедиа / Т. Т. Зубарева, М. Р. Желтухина. – Текст : непосредственный // Стилистика сегодня и завтра : материалы IV Международной научной конференции (Москва, 29-30 апреля 2016 г.) / Ответственный редактор С. Ф. Барышева. – Москва : Факультет журналистики МГУ, 2016. – С. 207-210 (0,25 п.л., авт. – 0,125 п.л.).

11. Зубарева, Т. Т. Воздействие на сознание адресата: манипулятивность приема навязывания пресуппозиции / Т. Т. Зубарева. – Текст : непосредственный // Жизнь языка в культуре и социуме-7 : материалы Всероссийской научной конференции / Институт языкознания РАН; Российский университет дружбы народов (Москва, 01-02 июня 2018 г.) / ответственный редактор Е. Ф. Тарасов. – Москва : Изд-во «Канцлер», 2018. – С. 218-219. – ISBN: 978-5-91730-761-9 (авт. – 0,125 п.л.).

12. Зубарева, Т. Т. Семиотика медиастрахов: маркеры воздействия / Т. Т. Зубарева // Инновационные подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике : материалы Международной научно-практической конференции (Грозный, 31 октября 2024 года) / под редакцией М. Р. Желтухиной, Л. М. Бахаевой, Т. Д. Магомадовой. – Махачкала : Издательство АЛЕФ, 2024. – С. 77-82. – DOI: 10.33580/9785002127009. – ISBN: 978-5-00212-700-9 (авт. – 0,375 п.л.).